

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. Становление человеческой психики	8
Глава 2. Методы трепанирования в Древнем мире	50
Глава 3. «Хирургические» трепанации	88
Глава 4. Символические трепанации	158
Глава 5. Ритуальные трепанации	188
Глава 6. Всемирная история трепанаций	232
Литература248

ПРЕДИСЛОВИЕ

«—...Вы знаете, что тартары делают дырки в голове у людей?

— Конечно. Тысячи лет уже делают. В Тунгусской кампании мы захватили живьем пять тартар, и у троих были дырки в черепе. У одного даже две.

— Они и друг другу их делают?

— А как же. Сперва надрезают кожу по кругу на голове, чтобы поднять лоскут и открыть череп. Потом вырезают кружок из черепа, очень аккуратно, чтобы не задеть мозг, потом зашивают кожу.

— Я думала, они делают это с врагами!

— Ну что ты! Это большая привилегия. Чтобы боги могли с ними говорить».

В этом отрывке из популярной «сказки для взрослых» современного английского писателя Филипа Пулмана «Северное сияние», как ни странно, заключена квинтэссенция нашей книги.

Нет на карте мира мистической страны Тартарии, так же как нет в природе бронированных медведей и многих других загадочных существ (Рис.1). Но были в истории человечества таинственные цивилизации, описание обычаев которых может послужить сюжетом не для одного фантастического романа. История ушедших народов известна нам далеко не полностью. Изучая более близкие нам периоды, мы можем опираться на письменные источники. Но письменность — довольно позднее изобретение, и более ранние эпохи возможно постичь лишь производя археологические раскопки. С археологией тесно связана палеоантропология — наука о древнем человеке, представители которой посвящают свою жизнь изучению найденных при раскопках человеческих костей. Ее особая отрасль — палеопатология — изучает болезни древних людей (ведь многие заболевания возникли далеко не сразу) и архаические методы лечения. Научные занятия палеоантропологов и палеопатологов имеют непосредственное отношение к теме этой книги.

Она посвящена довольно неожиданному и загадочному аспекту деятельности древнего человека — самым ранним хирургическим операциям. Поразительно, но эти древнейшие операции принадлежат к числу самых рискованных по сей день воздействий на организм человека — это трепанации черепа (краниотомии).

Самое раннее письменное упоминание о трепанации содержится в сочинении Гиппократов «О ранах головы», где подробно описаны швы и кости черепа, их свойства в разных местах, шесть главных видов травм и показания к трепанации.

Научный в современном понимании интерес к трепанациям древности возник только во второй половине XIX века, когда впервые совершались громкие археологические открытия. Сперва американский дипломат Е.Г. Сквайер нашел древний трепанированный череп в Перу и послал его на экспертизу крупнейшему специалисту того времени — французскому антропологу Полю Броку (Рис.2, 3). Позже сенсационные находки были сделаны уже в самой Франции. Археологи раскопали не-

Рис.1. На самом деле страна Тартария существовала — в представлении средневековых европейцев. И географическое положение этой загадочной страны в значительной мере совпадало с территорией современной России. Это хорошо видно на карте, составленной в XVII веке Исаком Тирионом в Амстердаме и помещенной в пятом томе венецианского издания «Istoria moderna». Как писали французские историки Э. Лависс и А. Рамбо, в Европе долго было в моде считать самих русских монголами и татарами.

Рис.2. Поль Брока
(1824-1880).

сколько сотен трепанированных черепов и еще вырезанные из них пластинки, и не где-нибудь, а в слоях нового каменного века!

Уже в 1877 году Поль Брока разработал классификацию древних операций на своде черепа человека, которая и в наши дни сохранила свое значение. Он предположил, что трепанация черепа производилась иногда на живых субъектах, для их излечения от некоторых болезней типа истерии, эпилепсии, нервных конвульсий — «болезней, причина коих принималась существующею в голове и приписывалась особому духу, там поселявшемуся. Искусственное отверстие, проделываемое в черепе, имело целью дать выход этому духу и тем способствовать освобождению субъекта от болезни... Любопытно, однако, что некоторые из таких трепанированных черепов выказывают кроме отверстия, сделанного при жизни, еще другие, вырезанные, очевидно, после смерти». По мысли П. Брока, люди, страдавшие нервными расстройствами и оперированные при жизни, считались одаренными особыми свойствами. Череп воспринимался как вместилище духа, и когда такой

Рис.3. Инкский череп из Куско, с которого началось исследование трепанаций древности. «Я имею честь представить Академии древний перуанский череп, трепанированный при жизни субъекта способом полностью отличным от использовавшегося в европейской хирургии. Трепанирование — древнейшая хирургическая практика. Она упоминалась Гиппократом, который описывал ее как рутинную операцию. Но ее происхождение остается неясным. Почти как сегодня, древние греки трепанировали пилой корonoобразной формы. Ничто не указывает на то, что греки или их предки проводили операцию другими методами. Но на черепе из Перу она проведена иссечением прямоугольного фрагмента...» (из речи П. Брока перед членами Французской Академии медицины).

человек умирал, у соплеменников возникало желание воспользоваться в религиозных целях частями его краниума.

Первоначально приоритет в изучении трепанирования принадлежал врачам и антропологам. С последующей дифференциацией наук о человеке исследование этого явления перешло в сферу деятельности палеопатологов. Но в какой-то момент, после накопления большого количества фактов, стало ясно, что трепанации в древнем мире — не только медицинский феномен, и что понять его в полной мере без привлечения данных самых разных гуманитарных наук невозможно.

Где и когда возникли навыки трепанирования? Кому и в каких случаях делали операции? С какими другими культурными явлениями были связаны такие процедуры? На эти вопросы мы и попытаемся ответить.

Давным-давно, в 2004 году я опубликовала книжку под названием «Трепанации в древнем мире и культ головы». Я благодарна издательству «АСТ» за предложение переиздать ее спустя столько лет. Но, когда дело дошло до работы с текстом, стало ясно, какое мощное развитие получило это научное направление за минувшие годы. Возникли новые отрасли знания, такие как палеогеномика, изучающая древнюю ДНК. Это позволяет наиболее объективно оценить вопросы происхождения разных групп людей и их связи между собой. Благодаря разработке методов датирования археологических объектов уточнились и изменились наши знания о хронологии ушедших культур. Новые раскопки позволили выявить большое число случаев хирургического вмешательства в прошлом, в том числе, на территории России. В арсенал палеопатологов, изучающих трепанации и болезни древнего населения, прочно вошли современные методы радиологии. Например, компьютерная томография и микрофокусная рентгенография стали рутинными процедурами, и они позволяют судить о причинах трепанирования и о течении послеоперационного процесса.

Наконец, за это время я сама получила возможность исследовать уникальные материалы из коллекций знаменитых музеев. В результате был описан древнейший случай трепанации эпохи верхнего палеолита с территории России и сотни трепанаций с территории Франции, выполненных от эпохи неолита до раннего Средневековья. В итоге — перед читателем сильно дополненная и исправленная книга, получившая от издательства новое название.

Исследование проводилось в Институте археологии РАН в рамках темы НИОКТР № 122011200264-9.

Глава 1

Становление человеческой ПСИХИКИ

Предпосылки и причины
трепанирования

Знали ли древние психологию? — Философские критерии, отличающие человека разумного. — История неврозов. — Мифология — коллективная психика. — Колдуны и знахари — первые профессионалы на общественной службе. — Опыт изменения сознания: берсерки, шаманы, греческие мистерии, скифы, зороастрийцы, средневековые ведьмы. — Трепанация — еще один способ манипулировать сознанием? — Последствия разных травм головы. — «Археология смерти и погребального обряда». — Первые альтруисты. Жертвенные ритуалы в мифах народов мира. — Карнавальная культура. — Военная магия. — Тело человека в традиционной культуре. — Культ головы. — Где скрываются истоки ритуалов?

Со времен глубокой древности человека не оставляло стремление познать собственную душу. Уже самые ранние представители нового биологического вида — человека разумного — были способны делать выводы, наблюдая за поведением своих соплеменников в разных условиях (например, при физических или психических травмах). Наш древний предок обладал более развитыми аналитическими и прогностическими способностями по сравнению с другими приматами, до сих пор живущими инстинктами. Вероятно, здесь положительным образом сказалось «активное начало», свойственное нашим предшественникам — гоминоидам нижнего и среднего палеолита, которые были умелыми охотниками.

Попытки человека понять свои поступки неизбежно привели к мощному социальному развитию. Вместе с умением из-

готовавливать и применять орудия, владением символической и языковой коммуникацией одним из важных философских критериев, отличающих *Homo sapiens* от предшественников, становится осознание собственной смертности и, как следствие, возникновение обрядов погребения. Тут уместно вспомнить слова Вольтера: «Человеческая раса единственная, которая знает, что должна умереть, и знает это только исходя из собственного опыта». Или процитировать популярную книжку Г.Ш. Чхартишвили: «Окончательный рывок был сделан, когда недо-сапиенс осознал, что обладает свободой выбора: может стоять на скале и смотреть сверху вниз, а может лежать под скалой и никак не реагировать на происходящее вокруг». Осознав бренность своего существования, человек начал проявлять интерес к состояниям сна и безумия. Недаром одно из самых универсальных представлений — это душа, покидающая тело во время сна. Поэтому во многих традиционных культурах спящего ни в коем случае нельзя будить. По представлениям древних, спящий, особенно уснувший под воздействием «волшебных» снадобий, совершал путешествие в иной, загробный мир, так что сновидения, которые оставались в памяти при пробуждении, считались вещими. Они воспринимались как священные послания ушедших предков. Наверное, не случайно мы до сих пор большое значение придаем толкованию снов.

Многих ученых волнует вопрос: не боялись ли самые древние люди покойников? Может быть, из этого древнего страха проистекает культ предков, а обряды погребения направлены на «обезвреживание» мертвеца, который мог ожить?

На наш взгляд, применительно к древнейшим людям проблема существования страха перед усопшим сильно преувеличена. Если подобная боязнь наблюдается у некоторых исторических и современных народов, она вполне может иметь значительно более позднее происхождение.

В противном случае наш далекий предок сильно рисковал, засыпая глубоким сном в присутствии своих близких. Вдруг те

решили бы его «обезвредить»? «Ни сна, ни отдыха измученной душе». Это маловероятно и, главное, невыгодно с эволюционной точки зрения. И сон, и смерть были слишком повседневными явлениями, чтобы вызывать столь сильный страх. Скорее всего, жизнь, смерть, сон изначально воспринимались как нечто неразрывное, как некое «путешествие туда и обратно».

«Сон разума», сумасшествие или состояние временного безумия под воздействием психотропных средств также расценивались окружающими как свидетельство контакта со сверхъестественными силами. Безумцы могли находиться «вне общества», а могли, напротив, вызывать не только опаску, но почет и уважение. В состоянии безумия, как и во сне, можно было якобы достичь царства мертвых, оказавшись вне повседневного мира. Так у древних людей появилось представление о символической смерти — не менее серьезной, чем настоящая.

И наоборот — смерть воспринималась как «вечный сон». Следы такого восприятия видны уже в попытках европейских неандертальцев придать усопшему позу спящего. Как подчеркивал российский ученый Ю.А. Смирнов, под голову неандертальца Ле Мустье 1 была подложена «подушка» из каменных отщепов, и голова неандертальца из Ле-Шапель-о-Сен тоже покоилась на камнях.

Нервная деятельность столь сложно организованного биологического объекта, как человек, имеет обратную сторону медали — это стабильная возможность сбоя, которая вызывает разнообразные неврозы. Как образно заметил Карл Юнг, «за фасадом любого разумно организованного явления скрывается изнасилованная разумом природа, в мстительном ожидании подкарауливающая момент, когда не выдержит препятствующее ей ограждение и, сминая все на своем пути, она ринется в данный сознанию мир».

Любопытная закономерность: чем сильнее выражена одаренность личности, тем больше шансов для возникнове-

Рис.4. Франсиско Гойя. «Сон разума рождает чудовищ». 1797–1799

ния нервного срыва (Рис.4). Психиатры определяют невроты как заболевания нервной системы с неизвестной патолого-анатомической основой, то есть без органических поражений. Некоторые исследователи относят к невротам все обратимые нарушения высшей нервной деятельности различного происхождения. Другие авторы пользуются термином «невроз» лишь для обозначения болезней, возникших под действием психической травмы.

Такая травма не только может стать причиной легких обратимых нарушений работы сердца и сосудов, но даже привести к смерти. При сильном страхе, который представляет собой, с точки зрения медицины, шоковую психическую травму, в кровь поступает большое количество катехоламинов, вызывающих остановку сердечной деятельности.

Классический пример — так называемая вуду-смерть, распространенная среди аборигенов Австралии и Африки. Она может наступить как мгновенно, так и некоторое время спустя, в момент, когда человек сам ждет ее прихода. К примеру, предсказал колдун: «Ты завтра умрешь» — и несчастный погибает. Верно и обратное: если шаман пообещает тяжелобольному: «Ты будешь жить!» — тот, скорее всего, поправится...

Известны случаи, когда здоровые люди умирали после нарушения важного запрета (табу). Даже в современной медицинской практике неосторожная шутка врача или необоснованная вера пациента в некое физическое явление, якобы связанное с его жизнью, приводили вполне здоровых людей к внезапной гибели. В рассказе О'Генри девушка готовится умереть, когда с дерева облетит последний лист. Ее спасает художник, нарисовавший тот самый «роковой» лист на оконном стекле...

Источники так называемых «худых примет» кроются в беспричинных страхах, боязни несчастий, в разнообразных чувствах вроде беспокойства, подозрительности, уныния и тоски. Особенность нашей психики такова, что лучше всего за-

поминаются те события, после которых последовали неприятности. События, после которых ничего не случилось, благополучно забываются.

Для сегодняшних представителей традиционных культур, и тем более для носителей культур археологических, мироощущение определялось мифологическим мышлением. С вершины рационализма XVII века философ Спиноза мог писать, что человек создает множество выдумок и толкует природу столь удивительно, как будто она безумствует заодно с ним. Сейчас мы вправе утверждать, что вера в сверхъестественные силы, порождающая иррационализм мышления, во многом обусловлена физиологическими особенностями, присутствующими человеческому виду.

Знаменитый швейцарский психиатр Карл Густав Юнг называл мифологию коллективной психикой. Он ввел в научный оборот понятие коллективного бессознательного как унаследованной всем человечеством психической системы, состоящей из древних форм, архетипов. Кроме личного опыта, в психике человека присутствуют вездесущие представления. Юнг отождествляет архетипы с мотивами, которые явно прослеживаются в мифологии. «Поскольку мы посредством нашего бессознательного разделяем участь нашей исторической коллективной психики, то бессознательно, конечно же, мы живем в мире оборотней, демонов, колдунов и т. д.; потому что это те вещи, которые в седые времена заполняли нас и вызывали мощнейшие аффекты». Классики психоанализа признавали иррациональность человека необходимой функцией его психической реальности.

В Древнем мире способности по управлению сознанием и поведением были развиты не менее, если не более, чем в современных индустриальных обществах. В этом смысле религия служила мощным средством в плане «укрощения» людей, выполняя роль своеобразного предупредителя неврозов, хотя иногда и вызывала к жизни обратные явления типа массовой истерии.

По Юнгу, с незапамятных времен человек знает об опасности, таящейся в его душе. Именно поэтому религиозные либо мистические обычаи столь необходимы ему: они помогают уберечь себя от этой опасности или хотя бы сгладить ущерб, нанесенный психике. Вот почему камлание шамана, молитвенные обращения к «высшим силам» почти всегда удачно корректируют психоэмоциональное состояние участников обрядов.

Для сравнения: современные врачебные методики групповых занятий по регуляции психики включают упражнения, связанные с релаксацией, достижением измененного состояния сознания, которые направлены на развитие навыков в создании мысленных зрительных образов. Опираясь на чисто формальные аналогии, нетрудно заметить, что вхождение шамана в транс с целью вызвать определенные видения слишком уж напоминает психотерапевтические приемы.

В нервных клетках больших полушарий головного мозга чередуются два противоположных состояния: возбуждение (деятельное состояние) и торможение. Физиологический механизм религиозных переживаний соотносится с образованием застойного очага возбуждения в коре головного мозга. Суеверия — сильные раздражители из-за связи с чувствами, поскольку гнездятся не в сознании, а в области подсознательного.

Люди использовали множество защитных манипуляций, способных, по их мнению, приостановить опасное влияние сверхъестественных сил. С позиций беспристрастного разбора психологии суеверий эта инстинктивная защита для преодоления страха представляет собой отвлекающее действие, при котором в коре головного мозга создается новый очаг возбуждения и разрушается старый.

Итак, психологической защитой социума служила обрядность.

Жизнь человека традиционного общества строго делилась на разные социально-ролевые отрезки, совпадавшие с основны-